

**КЕҢЕС ӨКІМЕТІНІҢ ШАРУАЛАРҒА ҚАТЫСТЫ
КҮШТЕП ҰЖЫМДАСТЫРУ, САТЫП АЛУ ЖӘНЕ БАСҚА ДА
КАМПАНИЯЛАРЫНЫҢ ҚҰРБАНДАРЫ
ЖЕРТВЫ НАСИЛЬСТВЕННОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ,
ЗАГОТОВИТЕЛЬНЫХ И ДРУГИХ КАМПАНИЙ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
В ОТНОШЕНИИ КРЕСТЬЯНСТВА
VICTIMS OF FORCED COLLECTIVIZATION, PROCUREMENT
AND OTHER CAMPAIGNS OF THE SOVIET AUTHORITY IN RESPECT
OF THE PEASANTRY**

МРНТИ 03.20

**РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА СССР ПРОТИВ
КРЕСТЬЯНСТВА: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПРОБЛЕМЫ
РЕАБИЛИТАЦИИ**

**Әбіл Еркін Аманжолұлы^{1*},
Ауанасова Алима Мусировна²,
Нурпеисов Еркеш Калиевич³,
Курманбаев Бауыржан Мухаметканович⁴**

¹ Доктор исторических наук, профессор, директор Института истории государства КН МОН РК, Республика Казахстан, г. Нур-Султан, E-mail: yerkinabil@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8722-3992>

² Доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом Института истории государства КН МОН РК, Республика Казахстан, г. Нур-Султан, E-mail: auanasova_a@mail.ru

³ Кандидат юридических наук, доцент КазНУ им. Аль-Фараби, Республика Казахстан, г. Нур-Султан, E-mail: YerkeshNurpeissov1946@gmail.com

⁴ Кандидат юридических наук, доцент Международного университета «Астана», Республика Казахстан, г. Нур-Султан, E-mail: kurmanbaev67@mail.ru

***Автор-корреспондент**

Аннотация. Репрессивная политика советской власти в тридцатые годы XX века является актуальной проблемой научных исследований в русле решения политической проблемы реабилитации жертв массовых политических репрессий. Этот мрачный период в истории страны Советов оставил неизгладимый след в судьбе народов, населявших СССР, включая и народы, проживавшие в Казахстане. Усилия ученых историков, политологов и юристов должны быть нацелены на освещение «белых пятен» в истории массовых репрессий. В связи с этим в статье уделено внимание методологическим основам комплексного исследования проблемы. Решение этой задачи облегчается тем, что историография исследования насчитывает довольно солидный перечень трудов зарубежных и отечественных авторов, начиная с начала тридцатых годов прошлого столетия.

Репрессивная политика, охватившая разные слои и категории советского общества, оказалась особенно кровопролитной в отношении крестьянства. Массовая насильственная коллективизация, кампании по заготовкам продукции сельского хозяйства, взиманию налогов, ничем не обоснованных разовых платежей в доход государства сопровождалась конфискацией имущества, расстрелами, высылками в необжитые регионы страны. Придуманное большевиками социальное рассло-

ние общества на кулаков, баев, середняков, единоличников облегчало проведение репрессивной политики по этим и другим категориям крестьянства. Репрессивные акции проводились по инициативе и непосредственном участии партии большевиков с привлечением государственных органов. Практиковались судебные и внесудебные расправы над несогласными с линией партии. Число жертв массовых репрессий уточняется с целью их политической и правовой реабилитации.

Ключевые слова: политические репрессии, коллективизация, конфискация, хлебозаготовки, мясозаготовки, реабилитация

ГТАХР 03.20

КСРО-НЫҢ ШАРУАЛАРҒА ҚАРСЫ ЖҮРГІЗГЕН ҚУҒЫН-СҮРГІН САЯСАТЫ: ҚҰҚЫҚТЫҚ АҚТАУ НЕГІЗДЕРІ ЖӘНЕ ПРОБЛЕМАЛАРЫ

Әбіл Еркін Аманжолұлы^{1*},
Ауанасова Әлима Мүсірқызы²,
Нұрпейісов Еркеш Қалиұлы³,

Құрманбаев Бауыржан Мұхаметқанұлы⁴

¹ Тарих ғылымдарының докторы, профессор, Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті Мемлекет тарихы институтының директоры, Қазақстан Республикасы, Нұр-Сұлтан қ. E-mail: yerkinabil@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8722-3992>

² Тарих ғылымдарының докторы, профессор, Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті Мемлекет тарихы институтының Қазақстанның әлеуметтік-экономикалық даму тарихы бөлімінің басшысы, Қазақстан Республикасы, Нұр-Сұлтан қ. E-mail: auanasova_a@mail.ru.

³ Заң ғылымдарының кандидаты, доцент. Әл-Фараби ат.ҚазҰУ. Қазақстан, Қазақстан Республикасы, Алматы. YerkeshNurpeissov1946@gmail.com.

⁴ Заң ғылымдарының кандидаты, Астана Халықаралық университетінің Жоғары құқық мектебінің доценті, Қазақстан Республикасы Нұр-Сұлтан қ. E-mail: kurmanbaev67@mail.ru

* Корреспондент автор

Аннотация. XX ғасырдың отызыншы жылдарындағы Кеңес үкіметінің қуғын-сүргін саясаты жаппай саяси қуғын-сүргін құрбандарын ақтау саяси мәселесін шешуге сәйкес ғылыми зерттеудің өзекті мәселесі болып табылады. Кеңестер елі тарихындағы бұл катерлі кезең КСРО-ны мекендеген халықтардың, оның ішінде Қазақстанда тұратын халықтардың тағдырында өшпес із қалдырды. Тарихшылардың, саясаттанушылар мен заңгерлердің күш-жігері жаппай қуғын-сүргін тарихындағы «ақтаңдақтарды» көрсетуге бағытталуы керек. Осыған байланысты мақалада мәселені жан-жақты зерттеудің әдіснамалық негіздеріне баса назар аударылады. Зерттеу тарихнамасында өткен ғасырдың отызыншы жылдарының басынан бастап шетелдік және отандық авторлардың еңбектерінің айтарлықтай тиынақты тізбесінің қамтылуы бұл мәселені шешуге ықпал жасады.

Кеңес қоғамының әртүрлі топтары мен санаттарын қамтыған қуғын-сүргін саясат әсіресе шаруаларға қатысты қан төгісті болды. Жаппай күштеп ұжымдастыру, ауыл шаруашылығы өнімдерін дайындау, салық жинау, мемлекет

кірісіне негізсіз біржолғы төлемдер бойынша науқандар мүлкін тәркілеумен, атумен, елдің халық тұрмаған өңірлеріне жер аударумен қатар жүргізілді. Большевиктер ойлап тапқан қоғамның кулактарға, байларға, орта және жеке шаруаларға әлеуметтік жіктелуі шаруалардың осы және басқа да санаттарына қарсы қуғын-сүргін саясатты жүргізуді жылдамдатты. Репрессиялық әрекеттер большевиктер партиясының бастамасымен және тікелей қатысуымен мемлекеттік органдарды тарта отырып жүргізілді. Партиялық ұстаныммен келіспегендерге сот және соттан тыс қуғындаулар қолданылды. Жаппай қуғын-сүргін құрбандарының саны оларды саяси-құқықтық ақтау мақсатында нақтыланады.

Түйін сөздер: саяси қуғын-сүргін, ұжымдастыру, тәркілеу, астық дайындау, ет дайындау, ақтау.

MRNTI 03.20

REPRESSIVE POLICIES OF THE USSR AGAINST PEASANTRY: LEGAL BASIS AND PROBLEMS OF REHABILITATION

Abil Erkin Amanzholyly^{1*},
Auanasova Alima Musirovna²,
Nurpeisov Erkesh Kalievich³,
Kurmanbaev Bauyrzhan Mukhametnovich⁴

¹ Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of State History of the CS MES RK, Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, E-mail: yerkinabil@gmail.com , <https://orcid.org/0000-0001-8722-3992>

² Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of the Institute of State History of the KN MES RK, Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, E-mail: auanasova_a@mail.ru , <https://orcid.org/0000-0003-1414-8447>

³ Ph.D. in Law, Associate Professor of KazNU. Al-Farabi, Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, E-mail: YerkesNurpeissov1946@gmail.com

⁴ Candidate of Law, Associate Professor of Astana International University, Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, E-mail: kurmanbaev67@mail.ru

* Corresponding author

Annotation. The repressive policy of the Soviet government in the thirties of the twentieth century is an urgent problem of scientific research in line with the solution of the political problem of the rehabilitation of victims of mass political repression. This dark period in the history of the country of the Soviets left an indelible mark on the fate of the peoples who inhabited the USSR, including the peoples living in Kazakhstan. The efforts of historians, political scientists and lawyers should be aimed at highlighting the “blank spots” in the history of mass repressions. In this regard, the article focuses on the methodological foundations of a comprehensive study of the problem. The solution of this problem is facilitated by the fact that the historiography of the study includes a fairly solid list of works by foreign and domestic authors, starting from the beginning of the thirties of the last century.

The repressive policy that embraced different strata and categories of Soviet society turned out to be especially bloody in relation to the peasantry. Mass forced collectivization, campaigns for the procurement of agricultural products, the collection of taxes, unjustified one-time payments to the state revenue were accompanied by confiscation of property, executions, deportations to the uninhabited regions of the country. The social stratification of society invented by the Bolsheviks into kulaks,

bais, middle peasants, individual peasants facilitated the implementation of a repressive policy against these and other categories of the peasantry. Repressive actions were carried out on the initiative and direct participation of the Bolshevik Party with the involvement of state bodies. Judicial and extrajudicial reprisals were practiced against those who disagreed with the party line. The number of victims of mass repressions is specified for the purpose of their political and legal rehabilitation.

Key words: political repressions, collectivization, confiscation, grain procurement, meat procurement, rehabilitation

Введение. Проблема методологических основ изучения политических репрессий обусловлена не только и не столько академическими задачами. Она имеет прикладной аспект, так как без объективного исследования этой сложной проблемы невозможно в полной мере провести процесс реабилитации жертв репрессий. Так, анализ мировой практики проведения репрессивной политики показывает, что, в отличие от других государств, в Советском государстве репрессиям подвергались не только отдельные граждане, но и целые социальные общности, группы людей, поэтому развитие и дальнейшее совершенствование института реабилитации жертв политических репрессий должно проходить с учетом этих особенностей.

Один из организаторов советской практики политических репрессий М.Лацис в связи с этим писал: «не ищите на следствии материала и доказательства того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти. Первый вопрос, который мы должны ему предложить, – к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого» (Шкаратан, 1993: 7). Следует, в связи с этим, обратить внимание на попытки трактовки репрессивной политики советского государства как «геноцидальной» (Литвин, 2011: 154).

Соответственно, субъектами процесса реабилитации жертв политических репрессий с одной стороны выступают государство и его органы (действующие субъекты реабилитации, претворяющие ее в жизнь), с другой – как отдельные граждане (это уже предусмотрено в действующем законодательстве), так и группы (этносы, социальные и профессиональные группы), к которым государство и его органы применяли незаконные меры принуждения по политическим мотивам.

За годы советского тоталитаризма жертвами произвола государства стали миллионы казахстанцев, которые подверглись репрессиям по социальным, национальным и иным признакам. Одной из многочисленных категорий лиц, подвергшихся тотальному уничтожению, были крестьяне. Являясь основой традиционного развития казахского общества, крестьяне подвергались системному уничтожению, посредством ссылок, высылки и расстрелов, так как не вписывались в сталинскую концепцию социалистической «модернизации» общества.

Методология исследования. Самая серьезная проблема современной истории – проблема объективности познавательного процесса, о чем мы говорили выше. О субъективности исторического знания говорится постоянно. Но история современности субъективна вдвойне, так как исследователь

испытывает постоянное воздействие социальных и политических стереотипов, убеждений, идей. Кроме того, история всегда являлась одной из форм национального самосознания. История – память народа, одно из средств определения его места в мировом историческом процессе, в прошлом, настоящем, а при объективном всестороннем анализе – и в будущем.

На историков воздействуют современные им общественно-политические события и теории, философские школы, многообразные субъективные факторы. Эти связи истории и современности всегда становились причиной дальнейшего развития науки, выявления новых объектов исследования, становления новых методов изучения исторической действительности, ее осмысления в общих категориях закономерностей, устанавливаемых философией, политической экономией, социологией. В то же время история как наука и историки постоянно оказывались под воздействием обстоятельств, находившихся вне собственно исследовательского процесса.

Как мы уже говорили выше, наиболее популярными теоретическими моделями при изучении проблемы политических репрессий стали концепции тоталитаризма и модернизации (Кириллов, 2016: 243). Эти концепции широко использовались западными политологами и легли в основу большинства современных постсоветских исследований по проблеме. Однако отметим, началу 90-х годов ситуация в мировой исторической науке изменилась и многие зарубежные исследователи считали, что, «что тоталитарная модель, описывающая монолитное, идущее к намеченной цели государство и догматичную, воздействующую на сознание идеологию, не отражает и тем более не объясняет историческую реальность, представляя собой слишком механистическую модель, навязанную им политологами» (Гейер, 2011: 7).

Современные исследователи намного расширили исследовательский методологический инструментарий, обратив внимание на социальную историю, историю повседневности, изучение социальных практик. Во многом этому способствовало расширение доступа к архивным материалам, имевшее место в начале 90-х годов 20 века. Претерпели изменение и сами концепции тоталитаризма и модернизации, лишившись концептуальной монолитности. Так, современные теории модернизации уже не носят линейного европоцентристского характера, как классическая, господствуют нелинейные, парциальные концепции модернизации (Чернобаев, 2014: 492).

Вместе с тем, методологический плюрализм привел к появлению большого количества «историографических моделей» в объяснении причин политических репрессий в СССР. В. Э. Багдасарян предложил выделить 15 историографических моделей: «самоистребления революционеров», «сталинской узурпации власти», «патологической личности», «обманутый вождь», «сталинского термидора», «модификации восточной деспотии», «антисталинской демократической альтернативы», «кадровой ротации», «охоты на ведьм», «идеологической эманации», «этатизации революции», «внешнеполитической инверсии», «предвоенной чрезвычайщины», «еврейского погрома в партии», «цивилизационного отторжения» (Степанов, 2009: 146). Констатируем, что в большинстве этих моделей преобладает эмоцио-

нальный подход, они слабо подкреплены документальной базой, ряд этих концепций носит политически обусловленный характер.

Особый интерес вызывает в связи проблемой политических репрессий их этнический характер, тем более этот вопрос часто становится предметом различного рода вненаучных спекуляций. В науке господствует представление о позитивной дискриминации в советской национальной политике. Т. Мартин назвал СССР «империей позитивной дискриминации», которая целенаправленно способствовала развитию своих этносов и их культур (Деннингхаус, 2014: 115). Однако, в 2006 году В.Деннингхаус достаточно критически отозвался об этой теории, посчитав, что, что после революции в национальное строительство была заложена идея Ленина о строго централизованной иерархической советской федерации, где каждая национальность занимала свое место, а целью национальной политики было не развитие национальных культур, а их советизация, распространение «советского» образа жизни и «советских» ценностей (Кириллов, 2016: 247). В этом свете несколько по-иному выглядит практика репрессий против представителей национальной интеллигенции вне зависимости от их этнической принадлежности.

Обсуждение. На сегодняшний день проблема реабилитации жертв политических репрессий не рассматривалась во всей полноте. Отсутствуют специальные труды, посвященные тщательному анализу практики применения законов о реабилитации жертв необоснованных политических репрессий. На данном этапе нет работ, освещающих историю возникновения и развития законодательства о реабилитации. Недостаточно исследованы законы о реабилитации невинных жертв политических репрессий зарубежных стран, что затрудняет заимствование положительного опыта в целях совершенствования законодательства о реабилитации в Казахстане. До сих пор отсутствует комплексная научно-исследовательская программа по изучению массовых репрессий в СССР и реабилитации жертв этих репрессий. Это требует, прежде всего, анализа теоретико-методологических и методических проблем изучения истории политических репрессий.

В историографии истории политических репрессий можно выделить ряд этапов (Кириллов, 2016: 235-243). Первый этап – 1920-е – начало 1930-х годов. Именно в этот период под влиянием изучения политических режимов в СССР (А.Н. Бердяев, С.Н. Булгаков, А.С. Изгоев, С.П. Мельгунов, И.А. Покровский, П.Э. Струве, С.Л. Франк, С.А. Котляревский) и Италии (Г. Амендола, Л. Вассо, Ф. Турати, Г. Хеллер) в научной литературе начинает формироваться концепция тоталитаризма (Бакунин, 1996: 22).

На втором этапе, в 1930-х – конце 1940-х годов, исследования теории и практики репрессий в СССР, Германии, Испании и Италии (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, П.Б. Струве, Л. Мизес, Ф. Хайек, Х. Ортега-и-Гассет, Т. Кон, С. Нойман) привели к созданию концепции однотипности режимов коммунистов и фашистов (Бакунин, 1996: 26).

Третий этап изучения истории политических репрессий, в 1950-х – середине 1980-х годов, характеризуется ростом количества исследований и

разнообразием методологических подходов. Расширяется проблематика исследований, появляются первые оценки численности жертв политических репрессий в СССР (Кириллов, 2016: 236). В трудах Х. Арндта, Р. Арона, З. Бжезинского, М. Джиласа, Р. Конквеста, К. Фридриха, А. Авторханова, М. Восленского, А. Некрича, Б. Яковлева окончательно формируется концепция тоталитаризма (Zorin, 1980). В то же время начинает развиваться новое направление, ставившее целью не изучение политических институтов, а социальной истории (Л. Хаимсон, М. Левин, Ш. Фицпатрик) или роли в репрессиях местных властей (Словарь, 2011: 184-185). В этот же период возникает и официальная советская историография, связывавшая репрессии с борьбой против «оппортунизма», в ходе которой пострадали невинные, а также с культом личности И.Сталина. Стоит отметить, что в 60-е – 80-е годы политика неосталинизма привела к сворачиванию в СССР изучения истории политических репрессий и замалчиванию этой проблемы.

Четвертый период, со второй половины 80-х по середину 90-х годов, характеризуется усилением внимания к проблеме, связанной с политикой либерализации политической жизни в СССР. Открытие архивов и снижение партийного контроля над научной сферой привело к бурному росту внимания исследователей к теме политических репрессий. Публикуется большое количество источников, начинают изучаться региональные аспекты проблемы, публикуются первые работы по изучению истории политических репрессий в Казахстане (Козыбаев, 1991; Козыбаев, 1992; Козыбаев, Алдажуманов, 1992).

Складываются научно-исследовательские центры по изучению истории политических репрессий, что было связано с процессом реабилитации их жертв. В России начинает работать НИЦ общества Мемориал, в Украине с 1992 года проблемой начинают заниматься государственные структуры, в 1992-1993 гг. начинается «архивная революция» - в секретные архивы попадают рядовые исследователи, рассекречиваются архивы ФСБ и МВД. Т.Омарбековым в 1994 году защищена диссертация «Лишение собственности и насильственная коллективизация казахских крестьян», им же была опубликовано исследование об антисоветских восстаниях казахов 1929-1931 гг. (Омарбеков, 1994).

Пятый период, с середины 90-х годов 20 года до конца 2019 г. связан с эффектом «архивной революции» в России, давшей широкий доступ исследователей к закрытым ранее архивам. Библиография литературы о советском обществе и проблеме репрессий, увидевшей свет в данный период, насчитывает тысячи наименований. В Казахстане увидели свет как сборники документов, так и монографические исследования по данным проблемам (Бухонова, 1998; Койгелдиев, 2019; Койгелдиев, 2009, Абылхожин, 2019). В середине 2000-х годов по инициативе государственных органов России доступ к архивным материалам значительно усложняется. В 2005 году принимается Закон об архивном деле в Российской Федерации, в 2006 году – совместный приказ Минкультуры, МВД и ФСБ о порядке доступа к делам репрессированных. Эти акты фактически закрыли доступ к личным делам репрессированных. В целом, доступ к архивным материалам был усложнен, однако,

объем рассекреченных и опубликованных к этому моменту документов позволял проводить активную исследовательскую работу.

С созданием в 2020 году Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий Казахстане начинается новый этап в изучении истории политических репрессий.

Результаты исследования. Экономика Казахстана, включенного в состав РСФСР 1919-1920 гг., испытала на себе все ужасы политики военного коммунизма. Ликвидация частной собственности и ее тотальная замена государственной за счет экспроприации материальных ценностей и средств производства привели к обрушению экономики и установлению уравнительного распределения предметов личного потребления по карточной системе.

Ситуацию спасла новая экономическая политика (НЭП), введенная X съездом РКП (б) в 1921 году. Введение частной собственности и свободной торговли привели к оживлению экономики и ее росту. Однако, опасаясь оживления частнособственнических настроений среди сельских тружеников XV съезд ВКП (б) от 2-19 декабря 1927 года постановил: «расширять охват крестьянского хозяйства кооперацией и государственными органами по линии сбыта и снабжений и поставить очередной практической задачей ... постепенный перевод распыленных крестьянских хозяйств на рельсы объединенных, крупных хозяйств... в расчете, что такой путь развития является важнейшим средством ускорения темпа развития сельского хозяйства и преодоления капиталистических элементов в деревне» (Сталин, 1949: 308).

После решения съезда незамедлительно, то есть 24 декабря 1927 года было принято постановление ЦК ВКП (б) «О хлебозаготовках». Им ужесточались требования к сельским труженикам. В частности, снабжение крестьян промтоварами ставилось в прямую зависимость от сдачи зерна государству. При этом цена на зерно устанавливалась государством и не должна была повышаться. Одновременно предусматривалось активизировать работу по взысканию с крестьян налогов и кредитных задолженностей. Кроме того, в целях сокращения денежной массы, требовалось пересмотреть кредитный план государства в сторону снижения объемов кредитного финансирования (Данилов, 1999: 112).

Начиная с этого момента репрессии в отношении крестьянства усиливаются. На всем протяжении проведения политики насильственной коллективизации партийно-большевистский аппарат привел к гибели исторически сложившейся хозяйственно-экономический тип хозяйствования и его производительных сил. Принятые постановления ВКП (б) к 1930 г. привели к тотальному голоду, массовой миграции населения за пределы Казахстана и его вымиранию.

За выполнением этих мероприятий должны были осуществлять контроль местные партийные и государственные органы, а также уполномоченные представители центральных аппаратов. Их, по существу, карательная деятельность, направлялась и регулировалась директивными установками партии и нормативно-правовыми актами советских государственных орга-

нов. Так, циркуляром НКЮ КАССР о проведении кампании по хлебозаготовкам от 11 января 1928 г. персональная ответственность возлагалась на губпрокуроров и предгубсудов. Перед ними ставилась задача всемерного выкачивания денежных масс из деревни путем усиления налогового прессы и работы по взиманию недоимок во всех видах, в частности, усиления темпов взыскания сельхозналога с использованием всех репрессивных мер для обеспечения его поступления в срок, жесткое взыскание всех долговых обязательств по страховым взносам, недоимок семсуды, водного сбора, задолженности госсельхоз организациям, своевременная и плановая работа по реализации крестьянского займа, усилению деятельности сберкасс в деревне и т.д. Под жестким контролем находились вопросы переброски товаров из города в деревню, регулирование цен, сжатие кредита, усиление налогового прессы, борьба с самогоноварением и т.д.

Давались установки добиваться прохождения уголовных дел, связанных с хлебозаготовками, в минимальный срок – не больше 7 дней со дня сообщения соответствующим судебным-следственным органам о том или ином нарушении директив о хлебозаготовках.

Требовалось применять наибольшее сокращение процессуальных формальностей, таких как: не проводить предварительного следствия там, где это не обязательно или может быть заменено актами дознания, не допускать лишнего вызова свидетелей, отложение дел в случае их неявки при наличии письменных показаний, прибегать к производству экспертизы исключительно в наиболее сложных случаях. Все эти меры должны были дать возможность судебным органам уже на первом судебном заседании выносить обвинительные приговоры (Әбдіғалиұлы, 2021а: 25)

Юридическим основанием для проведения репрессий против баев и иных лиц, известных как «конфискация баев», стало Постановление Президиума Всероссийского ЦИК «О лишении прав на землепользование и проживание в местах постоянного жительства крупных баев и скотопромышленников с семьями и конфискации их имущества» от 14 марта 1928 года (Әбдіғалиұлы, 2021а: 130-133).

В соответствии с данным постановлением предписывалось:

1. Лишить права на землепользование и проживание в местах постоянного жительства крупных баев и скотопромышленников с семьями, имеющих свыше 100 голов скота в переводе на крупные единицы, с изъятием всего имущества, т.е. сельскохозяйственного инвентаря, скота, строений, юрт и пр.

2. Провести аналогичные меры наказания в отношении бывших султанов, ханских и дехканских потомков, волостных управителей, иные лица, не попадающие под указанные категории, но местными органами власти «социально-опасными», вне зависимости от размеров их имущества.

3. У лиц коренного населения (казахов), которые имеют дома в городах и поселениях городского типа и занимаются кустарным производством или торговлей конфисковать все имущество сельскохозяйственного назначения вне зависимости от его размеров.

4. Для проведения в жизнь данного постановления создать особые комиссии из представителей госорганов, Союза Кошчи и ОГПУ – республиканскую, губернские, окружные и уездные.

5. Согласно п.8 данное постановление имело силу на территории Казахской автономии и только в отношении коренного населения (казахов).

Постановление Президиума Всероссийского ЦИК «О лишении прав на землепользование и проживание в местах постоянного жительства крупных баев и скотопромышленников с семьями и конфискации их имущества» от 14 марта 1928 года, а также принятое на его основе Постановление ЦИК и СНК КазАССР «О конфискации байских хозяйств» от 27 августа 1928 года (Әбдіғалиұлы, 2021а: 288) и Инструкция по применению Постановления ЦИК и СНК КазАССР от 30 августа 1928 года (Әбдіғалиұлы, 2021а: 290) стали правовой основой репрессий в отношении крестьянства в 1298-1929 годах. Данная политика была продолжена в рамках кампании по проведению насильственной коллективизации, различных реквизиционных заготовительных компаний.

ЦК ВКП (б) в своем постановлении «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» 5 января 1930 г. отмечает, что коллективное движение сделало новый шаг вперед (Данилов, 2000: 85). Пятилетний план коллективизации будет перевыполнен и охватит коллективами 22-24 млн га. Появилась возможность замены крупного кулацкого производства колхозами. На этом основании партия переходит к политике ликвидации кулачества как класса. При этом планировалось коллективизацию завершить осенью 1931 года или весной 1932 года. В целях выполнения этого плана ЦК ВКП (б) принимает постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 года (История, 1971: 54). Этим постановлением предусмотрена конфискации у кулаков и баев средства производства, скота, хозяйственных и жилых помещений, предприятий по переработке, кормовых и семенных запасов. По степени лояльности и зажиточности они разбиты на три категории, подлежащие разным мерам репрессий, начиная от расстрела (1 категория) и завершая высылкой в отдалённые районы и переселением вне пределов колхозов. В постановлении указаны численные показатели, подлежащих к отправке в концлагерь и высылке. Для Казахстана установлена квота 5-6 тыс. человек – в концлагерь и 10-15 тыс. человек к высылке. При этом высылаемые направлялись в необжитые и малообжитые местности под надзором комендантов.

Имущество кулаков подлежало передаче в неделимый фонд колхозов. Для проведения кампании по раскулачиванию направлялись в районы коллективизации 2500 партийцев не ниже окружного масштаба и увеличивались штаты ОГПУ на 800 человек. Кроме того, увеличивался состав войск ОГПУ на 1000 человек.

Предусматривалось также организовать чистку от кулацких элементов в промышленных предприятиях и вузах. В этих целях предусматривалось закрытие храмов, молитвенных домов, которые могли быть использованы

представителями кулачества для агитации населения против проводимых мероприятий в аулах и в деревнях.

Во исполнение данного постановления ЦК ВКП (б) государство в лице ЦИК и СНК СССР принимает совместное постановление «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и борьбе с кулачеством» от 1 февраля 1930 года. Этим постановлением придана правовая форма мероприятиям по раскулачиванию, предусмотренным в постановлении ЦК.

Надо отметить, что с первых дней установления советской власти сложилась конкурирующая компетенция партийных и советских, то есть государственных, органов, хотя победителям в этой конкуренции всегда оказывались партийные органы, которые подминали суверенные права государства, превращая его в свой исполнительный придаток. Госорганы неукоснительно выполняли директивы партии. К примеру, в приказе ОГПУ «О мероприятиях по ликвидации кулачества как класса» № 44/21 от 2 февраля 1930 г. четко ставились задачи перед карательными органами в первую очередь, в районах сплошной коллективизации. Основная цель всех операций была нанести в самое ближайшее время решительный удар кулаку (Данилов, 2000: 163-167).

Этим приказом кулачество подразделялось на четыре категории:

1) Кулаки – наиболее махровые и активные, противодействующие и срывающие мероприятия партии и власти по социальной реконструкции хозяйства. Кулаки, бегущие из районов постоянного жительства и уходящие в подполье, особенно блокирующиеся с активными белогвардейцами и бандитами.

2) Кулаки – активные белогвардейцы, повстанцы, бывшие бандиты, бывшие белые офицеры, репатрианты, бывшие активные каратели и др., проявляющие контрреволюционную активность, особенно в организованной форме.

3) Кулаки – члены, активно проявляющие себя в церковных советах, всякого рода религиозных, сектантских общин и групп;

4) Кулаки – наиболее богатые ростовщики, спекулянты, бывшие помещики и крупные земельные собственники.

Планировалось к 10 февраля внести в список первой категории 5-6 тыс. человек. Арестованные по этой категории концентрировались в окружных и облотделах ОГПУ. Дела по ним должны заканчиваться следствием в срочном порядке и рассматриваться тройками по внесудебному рассмотрению дел, которые были созданы при ПП ОГПУ. Основное количество таких арестованных рекомендовалось заключать в концлагеря. В отношении наиболее злостного актива контрреволюционных организаций и группировок, а также одиночек должны применяться решительные меры наказания вплоть до расстрела.

Семьи арестованных, заключаемых в концлагеря или приговоренных к высшей мере наказания, должны быть высланы в северные районы СССР, наряду с выселяемыми при массовой кампании кулаками и их семьями, при

этом должна учитываться степень социальной опасности этих семейств. Имущество таких семейств конфисковалось в том же порядке, что и у выселяемых семейств кулаков.

Квота же кампании по выселению кулаков и их семейств вне пределов проживания составляла 10–15 тыс. семейств. Высылку также, что и для кулаков первой категории, намечалось начать с 10 февраля 1930 г.

Для рассмотрения дел лиц, проходящих по этим делам первой категории, создавались в ПП ОГПУ тройки, в состав которых входили представители от крайкома ВКП (б) и прокуратуры. При этом тройки поверхностно рассматривая дела допускали нарушения спущенных им партийных директив и циркуляров госорганов. Так, в информации ПП ОГПУ по КАССР И. Даниловского секретарю Казкрайкома ВКП (б) Ф. Голощекину от 31 января 1931 г. приводятся факты о неправомерном раскулачивании арестованных граждан, когда местные советские организации проводят опись при раскулачивании лиц, арестованных органами ОГПУ, независимо от социального положения и окончания следствия и осуждения (Әбдіғалиұлы, 2021б: 678). Главным мотивом было то, что арестованное органами ОГПУ лицо является антисоветским или проводившим контрреволюционную деятельность. На основе этого юридически расплывчатого положения лицо, независимо от социального положения подвергалось репрессиям.

Органами ПП ОГПУ такие факты в значительном количестве были установлены районах бывшего Семипалатинского округа и приграничных районах Алма-Атинского округа. Лица, освобождаемые органами ОГПУ за недоказанность преступлений, возвращались к конфискованным хозяйствам.

В постановлении бюро Казкрайкома ВКП (б) «О выполнении решения декабрьского Пленума ЦК о коллективизации и о дальнейшей практике ликвидации кулачества и байства как класса» от 24 февраля 1931 г. давались четкие дифференцированные директивы всем райкомам ВКП (б):.. Запуганные уполномоченными РИКа арестами, высылками и расстрелами крестьяне повсеместно сдавали государству план по сдаче живого мяса выше объемов плана от 3 000 до 4 600 кг. Они распродала все имущество: юрты, лошадей, коров, мелкий скот, брички, хомуты, верблюдов. Многие из них были вынуждены изъять из колхоза и сдать свой обобществленный рабочий скот на мясозаготовки.

Протоколом бюро Казкрайкома ВКП (б) о ликвидации кулачества и байства как класса от 28 декабря 1931 г. под председательством Ф. Голощекина органам ПП ОГПУ в двухнедельный срок поручалось установить количество кулацко-байских хозяйств по Казахстану не только в сельскохозяйственных районах, но и в промышленных, и на транспорте. Вместе с тем ПП ОГПУ совместно с НКТрудом выявить количество кулацко-байских хозяйств, вошедших в колхозы в марте и апреле 1932 г. (Әбдіғалиұлы, 2021б: 1176). Была создана постоянная комиссия из членов бюро Казкрайкома ВКП (б) в составе Кахиани, Сарымұлдаева и Миронова, которая занималась выявлением кулацко-байских хозяйств, влившихся в колхозы.

ЦИК СССР, СНК СССР 7 августа 1932 г. принимает постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Это чудовищное по содержанию постановление сломало судьбы миллионам крестьян, лишила их средств существования, привело к голоду и массовым миграциям за пределы Казахстана. Так, в постановлении люди, покушающиеся на общественную собственность, рассматривались как враги народа. С расхитителями общественного имущества предлагалось вести решительную борьбу.

Имущество колхозов и кооперативов (урожай на полях, общественные запасы, скот, кооперативные склады и магазины и т.п.) приравнивалось к государственному имуществу и требовалось повсеместно усилить их охрану от расхищения.

Постановлялось применять в качестве меры судебной репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социальной защиты – расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой его при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества. По делам о хищении колхозного и кооперативного имущества никакие амнистии к осужденным не применялись.

Такие же меры применялись за хищение грузов на железнодорожном и водном транспорте – высшая мера социальной защиты – расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишения свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией имущества. К ним также не допускалось применять амнистии.

В инструкции от 16 сентября 1932 г. по применению постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» конкретно указывались категории преступлений, подпадающие под действие закона от 7 августа 1932 г. так называемых расхитителей государственной и общественной собственности, среди которых особо выделялись преступления совершенные в совхозах, колхозах, кооперативах, на железнодорожном и водном транспорте и местном автотранспорте (Данилов, 2001: 477).

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О мясозаготовках» от 23 сентября 1932 г. определяло план сдачи мяса государству по республикам, в том числе и по Казахстану. На 1 октября 1932 г. для всех единоличных крестьянских хозяйств и колхозных дворов, плативших в казну налог, обязательства поставки (сдачи) мяса государству утверждались по государственным ценам. На 15 месяцев, на срок с 1 октября 1932 года по 1 января 1934 года, нормы мяса в килограммах живого веса для единоличников и колхозниками определялся в процентах от нормы, падающей на двор, по областям, краям и республикам СССР. Так, КАССР в 4 квартале 1932 г. оно составляло 6%. В 1933 году в 1 квартале – 19%, 2 квартале – 13%, в 3 квартале 28% и в 4 квартале 34%% от норм, падающих на двор.

Устанавливалось, что выполнение обязательств по сдаче мяса государству производится колхозными дворами и единоличниками любым видом скота и птицы. Уклоняющихся от выполнения обязательств по поставке мяса государству подвергали денежному штрафу в размере до рыночной стоимости невыполненной части обязательств с изъятием подлежащего сдаче скота в установленном порядке.

Для обеспечения исполнения партийных директив и решений советских органов, с 1929 по 1932 гг. советской властью повсеместно применялись массовые аресты и острые формы (высылка, расстрелы) репрессий в отношении крестьянства. При этом политический произвол и беззаконие стали распространённым делом. Вопреки элементарным принципам правоприменительной деятельности арестов проводили председатели колхозов и члены правлений колхозов, председатели сельсоветов и секретари партячеек, районные и краевые уполномоченные, карательные органы и милиция. Большевики констатировали, что благодаря таким мерам за эти три года «удалось ликвидировать кулачество и обеспечить окончательное укрепление советских социалистических позиций в деревне».

Виды, формы и механизмы репрессий в отношении крестьянства воплощались в следующих финансовых мерах:

- всемерное выкачивание денежных масс из деревни путем усиления налогового пресса и работы по взиманию недоимок во всех видах, в частности, усиление темпов взыскания сельхозналога с использованием всех репрессивных мер для обеспечения его поступления в срок;
- жесткое взыскание всех долговых обязательств по страховым взносам, недоимок ссуды, водного сбора, задолженности госсельхозорганизациям;
- своевременная и плановая работа по реализации крестьянского займа;
- усилению деятельности сберкасс в деревне и т.д.

Кроме этого, под жестким контролем партийных и советских органов находились вопросы переброски промтоваров из города в деревню, регулирование цен, сжатие кредита, усиление налогового пресса, и т.д.

С ужесточением мер, предусмотренных партийными документами в отношении крестьянства с 1929 г. в каждом ауле, районе, области РИКами подготавливались списки, которые утверждались партийно-государственными властями. Специально для этих целей при ПП ОГПУ повсеместно создавались «тройки», состоявшие из первых руководителей райкома ВКП (б), председателя райисполкома и начальника районного управления ОГПУ.

На протяжении 1930-1932 гг. многие баи, полуфеодалы, аткаминеры, кулаки и единоличники, шаруа не только лишались своего имущества и скота, но и подвергались арестам, высылки и расстрелам. Несогласные с такой политикой крестьяне вынуждены были мигрировать за пределы Казахстана, оставшиеся крестьяне самораскулачивались.

Оставшиеся в аулах единоличники и шаруа насильственно вливались в колхозы под страхом смерти. Перед ними стояла задача выполнения государственного плана сдачи по хлебо- и мясозаготовкам, невыполнение кото-

рого влекло суровое наказание вплоть до смертельной казни. Из страха за собственные жизни и жизни близких людей, крестьяне вынуждены были отдавать государству последнее, что у них оставалось. Первые признаки кризиса в сельском хозяйстве наметились в 1930 г., который углублялся и расширялся, приведя Степь к голодомору.

В результате этих перемен в начале 1930-х годов организация сельскохозяйственного производства полностью вытесняется коллективной. Основной причиной смены приоритетов являлось изменение в представлениях о путях построения социализма и роли в этом деле той или иной организационной формы. Причем, реальные хозяйственные интересы и возможности в расчет практически не принимались.

Конечной целью коллективизации являлось не повышение эффективности сельского хозяйства. Социализм в деревне означал формирование особых правил «общезития», которым должны были подчиняться крестьяне, контролируемые государственными органами. Насильственная коллективизация разрушила существовавшую веками систему выживания деревни в условиях голода. В результате хлебозаготовок на селе не осталось никаких страховых запасов зерна и других продуктов на крайний случай, они ушли в счет заготовок.

Издержки планирования хлебозаготовок и управления сельским хозяйством с лихвой компенсировались административным ресурсом. Ставка на государственное насилие над крестьянством стала главным методом решения проблем создания колхозов, изъятия из деревни продовольственных ресурсов для нужд индустриализации и т.д. К 1937 году коллективизация в целом по стране была завершена. В стране насчитывалось более 243 тыс. колхозов, объединявших 93% крестьянских хозяйств.

Сплошная коллективизация стала одним из главных элементов государственной экономики. Колхозы, как малоэффективные формы производства, созданные «сверху», не смогли поднять эффективность сельского хозяйства и закрепить крестьянства на земле. Действующие успешно в чрезвычайных обстоятельствах, они не могли обеспечить страну сельскохозяйственной продукцией на долгие годы вперед. Большевицкий эксперимент в области сельского хозяйства был провален, его идейные руководители всю ответственность переложили на крестьянство, которое больше всего, пострадало от советской власти, подвергнувшись физическому истреблению и гонениям.

Анализ предварительных результатов проведённых работ с архивными документами фондов Национального архива РК, СКА КНБ РК уголовных дел по статьям УК РСФСР 1926 г. доказывают антигуманный характер репрессивных мер в отношении крестьянства.

Реабилитация жертв политических репрессий – многоуровневый, многогранный и системный процесс. В структуру института реабилитации жертв политических репрессий должны войти следующие элементы: освоение для реабилитации, субъекты права на реабилитацию, порядок реабилитации, праввосстановительные и компенсационные меры.

При разработке законопроекта о полной юридической и политической реабилитации жертв политических репрессий, прежде всего, нужно провести четкую границу между такими понятиями как политическая реабилитация и правовая реабилитация репрессированных жертв сплошной коллективизации, заготовительных и других политических кампаний большевистско-сталинской власти в отношении крестьянства.

При политической реабилитации оценке подлежат действия репрессированных с позиции современных, поддерживаемых обществом политических и моральных принципов, норм и ценностей. При этом политической реабилитации могут подлежать как отдельные лица, так и группа людей, например, участники восстаний, забастовок и других политических акций против советской власти, персональные данные о которых установить очень затруднительно, а порой и невозможно.

При правовой реабилитации дело обстоит иначе. Многие нормативные документы, на основании которых проводились репрессии нарушали советское законодательство того времени. Так, Постановление Президиума Всероссийского ЦИК «О лишении прав на землепользование и проживание в местах постоянного жительства крупных баев и скотопромышленников с семьями и конфискации их имущества» от 14 марта 1928 года нарушило:

- Ст. 13 Конституции РСФСР 1925 года (редакция от 15.04.1927 г.), гласящую, что РСФСР, исходя из равенства прав граждан, независимо от их расовой и национальной принадлежности, объявляет совершенно несовместимым с основными законами Республики какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничение их равноправия и тем более установление или допущение каких бы то ни было (прямых или косвенных) преимуществ для отдельных национальностей.

Установив норму о наказании отдельных категорий граждан не только по социальному, но и по этническому признаку (см. формулировку «в отношении коренного населения») власть нарушила провозглашенный ею самой принцип равенства всех граждан вне зависимости от их национальной принадлежности.

- Положение о судеустройстве РСФСР от 11 ноября 1922 года, статьи 1 и 2 которого устанавливали исчерпывающий перечень судебных органов, особые комиссии, созданные Постановлением от 14 марта 1928 года, в этот перечень не входили, т.е. были внесудебными незаконными органами.

- Уголовный кодекс РСФСР 1926 года, в частности, согласно ст.36 выселение из пределов данной местности с обязательным поселением в иных местностях может быть применяемо судом лишь в случаях привлечения к ответственности за преступления, предусмотренные конкретными статьями УК, а не за факт владения имуществом или принадлежности к какой-либо группе до 1917 года.

Кроме того, согласно ст.40 УК РСФСР при конфискации имущества не подлежали изъятию необходимые для осужденного и его семьи предметы домашнего обихода и служащие средством существования орудия мелкого кустарного, ремесленного или сельскохозяйственного производств. Остав-

ляемые в распоряжении осужденного и членов его семьи предметы питания и денежные суммы не должны были быть ниже среднего трехмесячного заработка рабочего данной местности на каждого члена семьи, а инвентарь, необходимый для профессиональной работы осужденного, мог быть конфискован лишь в случаях, когда суд постановит о лишении осужденного права заниматься соответствующей профессией. В случае Постановления от 14 марта 1928 года репрессированные не лишались права заниматься скотоводством, но в нарушении с.40 УК РСФСР, они лишались всего имущества, в том числе, сельскохозяйственного инвентаря.

Данное Постановление имело обратную силу, т.е. устанавливало ответственность за деяния, совершенные до 1917 года (факт принадлежности к государственным институтам и социальным группам, юридически ликвидированным в 1917-1918гг.). Кроме того, данное постановление носило гриф «совершенно секретно», т.е. нарушало принцип гласности, не давало доступ к информации, касающейся прав и интересов лиц, напрямую упомянутых в нем.

Заключение. Постановление Президиума Всероссийского ЦИК «О лишении прав на землепользование и проживание в местах постоянного жительства крупных баев и скотопромышленников с семьями и конфискации их имущества» от 14 марта 1928 года, а также принятое на его основе Постановление ЦИК и СНК КазАССР «О конфискации байских хозяйств» от 27 августа 1928 года и Инструкция по применению Постановления ЦИК и СНК КазАССР от 30 августа 1928 года с точки зрения советского законодательства (по состоянию на 1928 год), как и другие нормативные документы, ставшие основой для проведения репрессивной политики в отношении казахстанского крестьянства, являются незаконными, а все лица, подвергнутые ограничению в правах на основании данных документов, подлежат безусловной юридической реабилитации.

Вместе с тем, многие жертвы подвергались репрессиям на основе нормативных правовых актов того времени, которые формально соответствовали предъявляемым требованиям, особенно по статьям, формально экономическим (нарушение налогового законодательства, незаконная торговля и т.п.). Другой вопрос, что сами эти акты были антигуманными и применялись судами и другими карательными органами на основе действующих в то время процессуальных норм. Возникает вопрос – как быть в таких случаях? Признать их недействительными? Оснований для этого может и не быть. Они могли не использоваться для массовых репрессий, если бы не было указаний партийной власти. Решение по конкретному делу может быть формально соответствующим закону, но по существу репрессивным.

Меры советского правительства, направленные на ликвидацию казахских скотоводческих хозяйств, являются безусловно преступными с точки зрения международного права.

Были грубым образом массово нарушены следующие естественные права граждан:

1. Право на равную защиту закона от какой бы то ни было дискриминации (ст.7 Всеобщей Декларации прав человека, далее - ВДПЧ).
2. Право на защиту от произвольного ареста, задержания или изгнания (ст.9 ВДПЧ).
3. Право на справедливый беспристрастный суд (ст.10 ВДПЧ)
4. Право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты, защита от применения обратной силы закона (ст.11 ВДПЧ)
5. Право свободно передвигаться и выбирать себе местожительство в пределах каждого государства (ст.13 ВДПЧ)
6. Право владеть имуществом как единолично, так и совместно с другими (ст.17 ВДПЧ)
7. Право на свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда (ст. 23 ВДПЧ)
8. Право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи (ст.25 ВДПЧ)

Всеобщая декларация прав человека принята только 10 декабря 1948 года, однако, согласно законодательству Казахстана нормативный акт может иметь обратную силу, если последний исключает обязанности, возложенные на граждан, или улучшает их положение (ст. 43 Закона О правовых актах РК от 6 апреля 2016 года, Нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан от 22 декабря 2016 года № 15).

Согласно действующему Закону Республики Казахстан от 14 апреля 1993 года № 2143-ХІІ «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.07.2018 г.), реабилитация осуществляется судебными органами (статья 13), по заявлению репрессированного либо иных лиц и организаций (статья 8), обязанности по установлению правомерности реабилитации возлагаются на органы прокуратуры (ст. 10).

Данный порядок не соответствует задачам полной реабилитации жертв политических репрессий. Во-первых, значительная часть жертв репрессий не оставила родственников или иных лиц, заинтересованных в их реабилитации и могущих подать соответствующее заявление. Имена многих предстоит еще установить. Во-вторых, индивидуальное рассмотрение каждого дела в судебных органах перегрузит суды, тем более что значительная часть жертв репрессий была подвергнута им внесудебными органами, львиная часть существующих уголовных дел фальсифицирована, дознание и следствие проводились с серьезными нарушениями норм законности и данные дела не могут служить основанием для судебного следствия.

Очевидно, что в Закон необходимо внести изменения, предусматривающие возможность не индивидуальной, а групповой реабилитации жертв политических репрессий, причем не судебным решением, а Указом Прези-

дента. Необходимо в законодательном порядке дать толкование и определить перечень мер принуждения, понятия и видов политических репрессий в части «иные ограничения прав и свобод», расширить круг лиц и групп лиц, подлежащих реабилитации.

Список литературы и источников

Ашаршылык. Голод. 1928-1934. Документальная хроника / под ред. Б.Әбдіғалиұлы. Т 1.: 1928-1929 – Алматы: Атамұра, 2021. – 920 с.

Ашаршылык. Голод. 1928-1934. Документальная хроника / под ред. Б.Әбдіғалиұлы. Т 2.: 1930-1931 – Алматы: Атамұра, 2021. – 1240 с.

Бакунин А.В. История советского тоталитаризма. Кн. 1. Генезис. – Екатеринбург, 1996

Дёнингхаус В. Советская национальная политика и проблема этнодисперсных групп // Сов. нации и нац. политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI междунар. науч. конф., Киев, 10–12 окт. 2013 г. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2014. – С. 115–116

Живая память. Сталинизм в Казахстане – Прошлое, Память, Преодоление / Под ред. Ж.Б. Абылхожина, М.Л. Акулова, А.В. Цай. – Алматы: «Дайк-Пресс», 2019.

За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма / под ред. М. Гейера и Ш. Фицпатрик. - М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011

Историография истории России: Учеб. пособие для бакалавров / Под ред. А.А. Чернобаева. 2-е изд. – М.: Юрайт, 2014

История Коммунистической партии Советского союза. - М., 1971. Т. 4. Кн. 2.

Кириллов В.М. Историография и методология изучения проблем истории политических репрессий в СССР // Ежегодник МАИИКРН, №2, 2016

Козыбаев М.К. История и современность. – Алматы, 1991

Қозыбаев М. Ақтандақтар ақиқаты. – Алматы, 1992

Козыбаев М.К., Абылхожин Ж.Б., Алдажуманов К.С. Коллективизация в Казахстане. – Алма-Ата. 1992

Койгельдиев М.К. Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920– 1940-х годов. - Алматы, 2009

Литвин А.Л., Сальникова А.А. Проблема сталинского террора в новейших зарубежных исследованиях // Россия и современный мир. 2011. №3. – С. 153-164.

Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20-50 годы XX века). Т1. / под ред. Е.Карина. - Нур-Султан, 2022. – 622 с.

Омарбеков Т. Зобалаң: күштеп ұжымдастыруға қарсылық 1929-31 жылдары болған халық наразылығы. – Алматы, 1994.

Политические репрессии в Казахстане в 1937–1938 гг.: Сборник документов / сост. Бухонова И.Н. и др. – Алматы: Қазақстан, 1998

Словарь историка. – М., 2011

Сталин И.В. Сочинения. – Т. 10. – М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1949. - С. 271–353

Степанов М. Г. Политические репрессии в СССР периода сталинской диктатуры (1928–1953 годы): Обзор современных историографических исследований // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 12 (150). История. Вып. 31. – С. 145–149

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы / под ред. В.Данилова, Р.Маннинг, Л.Виолы. В 5-ти тт. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. - М.: РОССПЭН, 1999

Трагедия советской деревни. 1927-1939 гг. Документы и материалы / под ред. В.Данилова, Р.Маннинг, Л.Виолы. В 5-ти тт. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. - М.: РОССПЭН, 2000

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939: Документы и материалы / под ред. В.Данилова, Р.Маннинг, Л.Виолы. В 5-ти тт. Т. 3. Конец 1930-1933. – М.: РОССПЭН, 2001

Шкаратан О.И., Коломиец В.П. Крах во спасение (социально-генетические преступления советского режима) // Мир России. Социология. Этнология. 1993. №1. - С.3-19

«Я себя совершенно не признаю виновным!»: из истории протестного движения в Казахстане 1960-1980-х гг.: сборник документов и материалов / Каз. нац. пед. ун-т им. Абая; Научно-исслед. центр «Айтылған тарих»; сост. М.К. Койгелдиев. - Алматы: Арыс, 2019

Zorin L. Soviet Prisons and Concentration Camps. An Annotated Bibliography 1917-1980. - Newtonville, Mass., 1980

References

Asharshylyk. Golod. 1928-1934. Dokumental'naya hronika [Asharshylyk. Hunger. 1928-1934. Documentary chronicle] / pod red. B.Abdigaliuly. T 1.: 1928-1929 – Almaty: Atamura, 2021. - 920 p. [in Russian]

Asharshylyk. Golod. 1928-1934. Dokumental'naya hronika [Asharshylyk. Hunger. 1928-1934. Documentary chronicle] / pod red. B.Abdigaliuly. T 2.: 1930-1931 – Almaty: Atamura, 2021. - 1240 p. [in Russian]

Bakunin A.V. Istoriya sovetskogo totalitarizma [History of Soviet totalitarianism]. Kn. 1. Genezis. - Ekaterinburg, 1996 [in Russian]

Dyonninghaus V. Sovetskaya nacional'naya politika i problema etnodispersnyh grupp [Soviet national policy and the problem of ethno-dispersed groups]// Sov. natsii i nac. politika v 1920–1950-e gody: Materialy VI mezhdunar. nauch. konf., Kiev, 10–12 okt. 2013 g. - М.: ROSSPEN; Fond «Prezidentskij centr B. N. El'cina», 2014. - P. 115–116 [in Russian]

ZHivaya pamyat'. Stalinizm v Kazahstane – Proshloe, Pamyat', Preodolenie [Living memory. Stalinism in Kazakhstan - Past, Memory, Overcoming]/ Pod red. ZH.B. Abylhozhina, M.L. Akulova, A.V. Caj. – Almaty: «Dajk-Press», 2019 [in Russian]

Za ramkami totalitarizma. Sravnitel'nye issledovaniya stalinizma i nacizma [Beyond totalitarianism. Comparative studies of Stalinism and Nazism]/ pod red. M. Gejera i SH. Ficpatrik. - М.: ROSSPEN; Fond «Prezidentskij centr B. N. El'cina», 2011, [in Russian]

Istoriografiya istorii Rossii: Ucheb. posobie dlya bakalavrov [Historiography of the history of Russia: Proc. allowance for bachelors]/ Pod red. A. A. CHernobaeva. 2-e izd. - М.: YUrajt, 2014, [in Russian]

Istoriya Kommunisticheskoy partii Sovetskogo soyuza. [History of the Communist Party of the Soviet Union]/ - М., 1971. Т. 4. Kn. 2. [in Russian]

Kirillov V.M. Istoriografiya i metodologiya izucheniya problem istorii politicheskikh repressij v SSSR [Historiography and methodology for studying the problems of the history of political repressions in the USSR]/Ezhegodnik MAIKRN, № 2, 2016, [in Russian]

Kozybaev M.K. Istoriya i sovremennost' [History and modernity]. - Almaty, 1991, [in Russian]

Kozybaev M. Aktandaktar akikaty [The truth of the unexplored]. - Almaty, 1992, [in Kazakh]

Kozybaev M.K., Abylhozhin ZH.B., Aldazhumanov K.S. Kollektivizaciya v Kazahstane [Collectivization in Kazakhstan]. - Alma-Ata. 1992 [in Russian]

Kojgel'diev M.K. Stalinizm i repressii v Kazahstane 1920 – 1940-h godov [Stalinism and repressions in Kazakhstan in the 1920s-1940]. - Almaty, 2009 [in Russian]

Litvin A.L., Sal'nikova A.A. Problema stalinskogo terrora v novejshih zarubezhnyh issledovaniyah [The problem of Stalinist terror in the latest foreign studies]// Rossiya i sovremennyy mir. 2011. №3. - p.153-164 [in Russian]

Materialy Gosudarstvennoj komissii po polnoj reabilitacii zhertv politicheskikh repressij (20-50 gody XX veka) [Materials of the State Commission for the Complete Rehabilitation of Victims of Political Repressions (20-50s of the XX century)]. T1. / pod red. E.Karina. - Nur-Sultan, 2022. - 622 p. [in Russian]

Omarbekov T. Zobalan: kushtep uzhymdastyrugа qarsylyq 1929-31 zhyldary bolgan halyq narazylygy [Anxiety: resistance to forced collectivization in 1929-31]. - Almaty, 1994 [in Kazakh]

Politicheskie repressii v Kazahstane v 1937–1938 gg.: Sbornik dokumentov [Political Repressions in Kazakhstan in 1937–1938: Collection of Documents]/ sost. Buhonova I.N. i dr. - Almaty: Kazakstan, 1998 [in Russian]

Slovar' istorika [Historian's Dictionary]. - M., 2011 [in Russian]

Stalin I.V. Sochineniya [Compositions]. – T. 10. – M.: OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1949. - P. 271–353 [in Russian]

Stepanov M. G. Politicheskie repressii v SSSR perioda stalinskoj diktatury (1928–1953 gody): Obzor sovremennyh istoriograficheskikh issledovanij [Political repressions in the USSR during the period of Stalin's dictatorship (1928-1953): A review of modern historiographic research]// Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 12 (150). Istoriya. Vyp. 31. - P. 145–149 [in Russian]

Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizaciya i raskulachivanie. 1927-1939. Dokumenty i materialy [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927-1939. Documents and materials]/ pod red. V.Danilova, R.Manning, L.Violy. V 5-ti tt. T. 1. Maj 1927 – noyabr' 1929. - M.: ROSSPEN, 1999 [in Russian]

Tragediya sovetskoj derevni. 1927-1939 gg. Dokumenty i materialy [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927-1939. Documents and materials]/ pod red. V.Danilova, R.Manning, L.Violy. V 5-ti tt. T. 2. Noyabr' 1929 – dekabr' 1930. - M.: ROSSPEN, 2000 [in Russian]

Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizaciya i raskulachivanie. 1927-1939: Dokumenty i materialy [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927-1939. Documents and materials]/ pod red. V.Danilova, R.Manning, L.Violy. V 5-ti tt. T. 3. Konec 1930-1933. - M.: ROSSPEN, 2001 [in Russian]

SHkaratan O.I., Kolomic V.P. Krah vo spasenie (social'no-geneticheskie prestupleniya sovetskogo rezhima) [Collapse to the rescue (social genetic crimes of the Soviet regime)]// Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya. 1993. №1. – P. 3-19 [in Russian]

«YA sebya sovershenno ne priznayu vinovnym!»: iz istorii protestnogo dvizheniya v Kazahstane 1960-1980-h gg.: sbornik dokumentov i materialov [«I absolutely do not plead guilty!»: from the history of the protest movement in Kazakhstan in the 1960-1980s: a collection of documents and materials]/ Kaz. nac. ped. un-t im. Abaya; Nauchno-issled. centr «Ajtylan tarih»; sost. M.K. Kojgeldiev. - Almaty: Arys, 2019 [in Russian]